Отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ.

Извлеченіе изъ отчета д. чл. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подполковника генеральнаго штаба **Н. М. Пржевальскаго.**

Еще шагъ успѣха въ дѣлѣ изслѣдованія внутренней Азіи: бассейнъ Лобъ-нора, столь долго и упорно остававшійся въ невѣденіи, открылся наконецъ для науки......

Утромъ 12 августа мы выступили изъ Кульджи, напутствуемые добрыми пожеланіями соотечественниковъ, проживающихъ въ названномъ городѣ. Путь лежалъ первоначально вверхъ почти по самому берегу Или, долина которой здѣсь густо заселена Таранчами. Красивыя чистыя деревни съ садами и высокими серебристыми тополями слѣдуютъ чуть не сплошь одна за другою. Въ промежуткахъ раскинуты хлѣбныя поля, орошаемыя многочисленными арыками, а на лугахъ, по берегу самой Или, пасутся большія стада барановъ, рогатаго скота и лошадей. Всюду видно, что населеніе живетъ зажиточно. Магометанская инсуррекція не коснулась своимъ разрушительнымъ потокомъ этой части Илійской долины.

Слѣдуя вверхъ по теченію рѣки Или экспедиція достигла до мѣста сліянія рѣки Кунгеса и Текеса, образующихъ рѣку Или.

За Текесомъ путь нашъ лежалъ, все въ томъ же восточномъ направленіи, долиною нижняго Кунгеса, которая не отличается отъ

верхне-илійской; только здѣсь въ большемъ обиліи встрѣчается ковыль. Окраймнія горы, какъ и прежде, несутъ луговой характеръ, имѣютъ большею частію мягкія формы и вовсе лишены лѣсной растительности. Такъ до рѣки Цанма лѣваго притока Кунгеса. Здѣсь же, т. е. на Цанма, виднѣются послѣднія пашни и кочевья Тургоутовъ. Далѣе, вплоть до выхода въ Карашарскую долину, мы не встрѣчали жителей.

Отъ рѣки Цанма, вмѣстѣ съ увеличеніемъ абсолютной высоты мѣстности *) долина Кунгеса измѣняетъ свой характеръ: дѣлается ўже и гораздо плодороднѣе. Взамѣнъ прежней тощей растительности, волнистая степь покрывается превосходною разнообразною травою, которая съ каждымъ десяткомъ верстъ становится выше и гуще. Окраймнія горы также принимаютъ болѣе суровыя формы и по нихъ появляются еловые лѣса, нижній предѣлъ которыхъ обозначаетъ собою поясъ лѣтнихъ дождей.

По лѣснымъ лугамъ, также и по скатамъ сосѣднихъ горъ, вездѣ густѣйшія, переплетенныя вьюнкомъ и павиликою, заросли травы, часто въ сажень вышиною. Лѣтомъ въ подобной гущинѣ почти невозможно пробраться.

Экспедиція рѣшается остановиться на Кунгесѣ на нѣсколько дней. Она выбираетъ для своей стоянки именно то мѣсто, гдѣ въ 1874 году стоялъ нѣсколько мѣсяцевъ постъ изъ одной казачьей сотни. Здѣсь еще цѣлы сараи, кухня и баня.

Охота и ботаническіе поиски даютъ экспедиціи богатые результаты.

Поднявшись вверхъ по Кунгесу и далѣе по рѣки Цанма до самаго ея истока, мы придвинулись къ подножію хребта Наратъ, составляющаго, вмѣстѣ съ своими западными продолженіями **), сѣверную ограду обширнаго и высокаго плато, помѣщеннаго въ самомъ сердцѣ Тянъ-Шаня и извѣстнаго подъ именемъ Юлдуса.

*) Абсолютная высота Кульджи около 2,000 футовъ. При этомъ считаю долгомъ оговорить, что хотя высоты пройденныхъ нами мѣстностей измѣрены посредствомъ барометра, но полученные результаты, за неимѣніемъ подъ рукою необходимыхъ пособій, вычислены пока лишь приблизительно.

**) Западными продолженіями Нарата служатъ (въ послѣдовательномъ порядкѣ) хребты: *Дагатъ*, *Хара-норъ*, *Куку-сунъ*, *Джамби-дабанъ*. Три послѣдніе, какъ говорятъ, вѣчно снѣговые.

Хребетъ Наратъ, хотя и не достигаетъ предѣла вѣчнаго снѣга, но тѣмъ не менѣе несетъ самый дикій, вполнѣ альпійскій характеръ. Вершины отдѣльныхъ горъ и ихъ крутые боковые скаты, въ особенности близь гребня хребта, вездѣ изборождены голыми, отвѣсными скалами, образующими узкія и мрачныя ущелья. Немного пониже разстилаются альпійскіе луга, а еще ниже, на сѣверномъ склонѣ горъ, разбросаны островами еловые лѣса; южный же склонъ Нарата безлѣсенъ.

Спустившись съ Нарата мы очутились на *Юлдусѣ*. Имя это въ переводѣ означаетъ «звѣзда» и дано описываемому плато, быть можетъ, вслѣдствіе его высокаго положенія въ горахъ. Отчасти подобное лестное названіе могло произойдти и потому что Юлдусъ для кочевниковъ представляетъ обѣтованную страну для скотоводства. Здѣсь вездѣ превосходныя пастбища; при томъ же лѣтомъ нѣтъ мошекъ и комаровъ. «Мѣсто прекрасное, прохладное, кормное; только жить господамъ да скотинѣ» говорили намъ еще ранѣе Тургоуты, разсказывая про Юлдусъ.

Самъ Юлдусъ состоитъ изъ двухъ частей: Большаго Юлдуса, занимающаго болѣе обширную западную половину всей котловины и *Малаго*, помѣщеннаго въ ея меньшей, восточной части. Въ общемъ какъ тотъ такъ и другой Юлдусы несутъ одинъ и тотъ же характеръ; разница лишь въ величинѣ. Малый Юлдусъ, весь вдоль нами пройденный, представляетъ собою степную равнину, протянувшуюся на 135 верстъ по долготѣ и расширенную по срединѣ верстъ на тридцать.

Абсолютная высота Малаго Юлдуса простирается отъ $7^1/_2$—$8^1/_2$ тысячь футовъ **).

Какъ разъ срединою Малаго Юлдуса, во всю его длину, протекаетъ порядочная рѣчка *Бага-Юлдусъ-голъ*, впадающая въ *Хайду-голъ*, который проходитъ по Большому Юлдусу и затѣмъ несетъ свои воды въ озеро *Багарашъ* *).

На Юлдусѣ мы провели около трехъ недѣль, занимаясь, главнымъ образомъ, охотою на звѣрей. Послѣднихъ было добыто въ коллекцію болѣе десятка прекрасныхъ экземпляровъ, въ томъ числѣ два самца *Ovis Polii*. Этотъ великолѣпный баранъ, свойственный

*) Самыя низкія части Малаго Юлдуса лежатъ по нижнему теченію Бага-Юлдусъ-гола; на верховьяхъ этой рѣки, и ближе къ окраймнимъ горамъ мѣстность выше.

**) *Бостанъ-норъ* на картахъ. Калмыки называютъ это озеро *Тенгизъ-норъ*.

исключительно высокимъ нагорьямъ Средней Азіи, на Юлдусѣ встрѣчается часто, иногда стадами отъ 30—40 головъ.

Поохотившись вдоволь на Юлдусѣ, мы направились въ долину Хайду-гола черезъ южный склонъ Тянъ-Шаня. Подъемъ на перевалъ со стороны Юлдуса чрезвычайно пологій, даже едва замѣтный, хотя абсолютная высота этого перевала 9300 футовъ. За то спускъ крайне труденъ. Едва замѣтная тропинка идетъ здѣсь, на протяженіи 40 верстъ, ущельемъ р. *Хабцагай-гола*, а за тѣмъ 22 версты по *Балактай-голу*. Оба ущелья чрезвычайно узки (мѣстами не болѣе 60 саженъ), дно ихъ усыпано осколками камней и валунами, бока же обставлены громаднѣйшими отвѣсными скалами.

На Хайду-голѣ мы остановились въ урочищѣ *Хара-мото*, гдѣ встрѣтили первыхъ жителей Тургоутовъ, которые приняли насъ радушно. Между тѣмъ быстро разнесшійся слухъ о приближеніи русскихъ всполошилъ все ближайшее мусульманское населеніе. Увѣряли, что идетъ русское войско и что на Хайду-голѣ появился уже передовой отрядъ. Подобному слуху еще болѣе повѣрили, когда съ перваго же дня прихода начали раздаваться наши выстрѣлы по фазанамъ и другимъ птицамъ. Мусульмане, живущіе по Хайду-голу, невдалекѣ отъ Хора-мото, до того струсили, что побросали свои дома и убѣжали въ Карашаръ.

На третій день нашего прихода въ Хара-мото къ намъ явились шесть человѣкъ мусульманъ, посланныхъ правителемъ города Корла *) Токсобаемъ, узнать о цѣли нашего прихода. Я объяснилъ, что иду на Лобъ-Норъ и что про наше путешествіе извѣстно хорошо Якубъ-беку **). Съ такими вѣстями посланцы отправились обратно въ Корла, но на противоположной сторонѣ Хайду-гола былъ поставленъ небольшой пикетъ, для наблюденія за нами. На слѣдующій день къ намъ опять явились тѣже посланцы и объявили, что Токсобай отправилъ гонца къ Якубъ-беку ***) и что до полученія отвѣта нельзя идти далѣе. Отчасти я былъ радъ подобному рѣшенію, такъ какъ лѣсная мѣстность по Хайду-голу изобиловала зимующими птицами и фазанами.

Простоявъ семь дней въ Хара-мото, мы получили наконецъ разрѣшеніе идти въ городъ Корла (но не въ Карашаръ), черезъ ко-

*) Лежитъ въ 50 верстахъ на юго-востокъ отъ Карашара.

**) Ранѣе нашего выступленія изъ Кульджи, Якубъ-бекъ увѣдомилъ письменно Туркестанскаго генералъ-губернатора, въ отвѣтъ на просьбу послѣдняго, что русскіе, идущіе на Лобъ-Норъ, встрѣтятъ гостепріимство въ предѣлахъ Джитышара.

***) Находившемуся тогда въ г. Токсумѣ недалеко отъ Турфани.

торый лежитъ путь на Лобъ-норъ. Отъ Хара-мото до Корла 62 версты. Мы прошли это разстояніе въ три дня, сопровождаемые тѣми же личностями, которые пріѣзжали къ намъ въ первый разъ. Дорогою на каждой станціи намъ приводили барана и приносили фруктовъ. Прежде чѣмъ достигнуть Корла, необходимо пройдти черезъ послѣдній отрогъ Тянъ-Шаня ущельемъ, по которому стремится рѣка *Конче-дарья*, вытекающая изъ Багараша въ Таримъ. Это ущелье имѣетъ верстъ десять длины и чрезвычайно узко. При входѣ и выходѣ устроены изъ глины два укрѣпленія, въ которыхъ стоятъ небольшіе караулы.

Лишь только пришли мы въ Корла и помѣстились въ отведенномъ, внѣ города, домѣ, какъ къ намъ былъ приставленъ караулъ, подъ предлогомъ охраненія; въ сущности же для того, чтобы не допускать сюда никого изъ мѣстныхъ жителей, вообще крайне недовольныхъ правленіемъ Якубъ-бека. Въ то же время и насъ не пускали въ городъ, говоря: «Вы наши гости дорогіе, вамъ не слѣдуетъ безпокоиться, все что нужно будетъ доставлено». Но столь сладкія рѣчи были только на словахъ. Правда, намъ каждый день доставляли барана, хлѣбъ и фрукты, но этимъ и ограничивалось гостепріимство. Все что только насъ интересовало, что составляло прямую задачу нашихъ изслѣдованій, было для насъ закрыто. Мы незнали ни о чемъ далѣе воротъ своего двора. На всѣ вопросы, относительно напр. города Корла, числа здѣшнихъ жителей, ихъ торговли, характера окрестной страны и пр. мы получали самые уклончивые отвѣты, или явную ложь. Такъ было во все время нашего шестимѣсячнаго пребыванія во владѣніяхъ Якубъ-бека, или какъ его подданные называли «Бадуалета» *). Только впослѣдствіи, на Таримѣ и Лобъ-норѣ, намъ удавалось изрѣдка, тихомолкомъ вывѣдать кой что у мѣстныхъ жителей, которые были вообще къ намъ расположены, но боялись явно выказывать такое расположеніе. Отъ Таримцевъ же мы узнали, что въ Корла, съ окрестными деревнями, считается до шести тысячь жителей обоего пола. Самъ городъ состоитъ изъ двухъ частей, обнесенныхъ глиняными стѣнами: стараго, населеннаго торговцами и новой крѣпости, въ которой живутъ только войска. Послѣднихъ во время нашего посѣщенія Корла было очень мало: всѣ ушли въ г. Токсумъ, гдѣ Якубъ-бекъ, подъ личнымъ своимъ надзоромъ, возводилъ укрѣпленія противъ Китайцевъ.

*) Имя это въ переводѣ означаетъ «счастливецъ».

На слѣдующій день по прибытіи въ Корла къ намъ явился одинъ изъ приближенныхъ Бадуалета, нѣкій Заманъ-бекъ, бывшій русскій подданный, выходецъ изъ города Нухи въ Закавказьи и, сколько кажется, армянинъ по происхожденію. Этотъ Заманъ-бекъ, состоявшій нѣкогда даже въ русской службѣ, отлично говорилъ по русски и съ первыхъ словъ объявилъ, что присланъ Бадуалетомъ сопутствовать намъ на Лобъ-норъ. Покоробило меня при такомъ извѣстіи. Зналъ я хорошо, что Заманъ-бекъ посылается для наблюденія за нами и что присутствіе оффиціальнаго лица будутъ не облегченіемъ, но помѣхою для нашихъ изслѣдованій. Такъ и случилось впослѣдствіи. Впрочемъ Заманъ-бекъ лично былъ къ намъ весьма расположенъ и, насколько было возможно, оказывалъ намъ услуги. Глубокою благодарностію обязанъ я за это почтенному Беку. Съ нимъ на Лобъ-норѣ намъ было гораздо лучше, нежели съ кѣмъ либо изъ другихъ довѣренныхъ Якубъ-бека—конечно на столько на сколько можетъ быть лучше въ дурномъ вообще.

4-го ноября выступили мы изъ Корла въ направленіи къ Лобъ-нору. Кромѣ людей нашего каравана, съ Заманъ-бекомъ ѣхалъ еще какой-то хаджи и нѣсколько человѣкъ прислуги. Съ перваго шага наши спутники заявили себя самымъ непривлекательнымъ образомъ. Чтобы не показать города, насъ отъ квартиры повели окольнымъ путемъ, по полямъ и не стыдились увѣрять, что лучшей дороги нѣтъ. Пришлось поневолѣ прикидываться незнайкой, какъ теперь, такъ и многое множество разъ впослѣдствіи. Тяжело было подобное притворство, въ особенности когда дѣло шло о горячихъ научныхъ вопросахъ. Про самую пустую вещь мы не могли справедливо узнать, не видавши собственными глазами. Насъ подозрѣвали и обманывали на каждомъ шагу. Мѣстному населенію запрещено было даже говорить съ нами, не только что входить въ какія либо другія сношенія. Выходило, что мы шли подъ конвоемъ; наши спутники были шпіоны — не болѣе. Заманъ-бекъ часто видимо тяготился подобнымъ положеніемъ, но не могъ, конечно, измѣнить свое поведеніе относительно насъ. Впослѣдствіи на Лобъ-норѣ, когда къ намъ уже присмотрѣлись, прежняя подозрительность немного исчезла, но сначала полицейскій надзоръ былъ самый строгій. Даже каждую недѣлю являлся гонецъ отъ Бадуалета или Токсабая «узнать о нашемъ здоровьи» какъ наивно сообщалъ намъ Заманъ-Бекъ.

Вѣроятно для того, чтобы заставить насъ отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія, насъ повели къ Тариму самою трудною дорогою, идя которою пришлось переправляться вплавь черезъ двѣ довольно большія и глубокія рѣчки: *Конче-дарья* и *Инчике-дарья*. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидѣть, какъ легко могли мы обойдти по правому берегу первой рѣки, не дѣлая дважды напрасной переправы. Въ данномъ случаѣ, вѣроятно, насъ хотѣли запугать трудностію переправы вплавь, при морозахъ, достигавшихъ — 16,7 Ц. на восходѣ солнца.

Переходъ отъ Корла до береговъ Тарима, на разстояніе 86 верстъ Пржевальскій посвятилъ, между прочимъ, на собраніе свѣдѣній касательно бассейна средняго теченія Тарима. Гидрографическій очеркъ этого бассейна, составленный имъ на основаніи этихъ изслѣдованій, проливаетъ совершенно новый свѣтъ на географію названной мѣстности и совершенно измѣняетъ взглядъ нашъ на топографію края.

Затѣмъ послѣ долгаго отступленія, посвященнаго во-первыхъ естественно-историческому очерку бассейна средняго теченія Тарима, Пржевальскій останавливается съ подробностью на любопытнѣйшемъ этнографическомъ очеркѣ жителей береговъ Тарима и затѣмъ снова продолжаетъ прерванный разсказъ.

Переправившись, какъ упомянуто выше, вплавь черезъ рѣки Конче и Инчике, мы вышли на Таримъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него впадаетъ Угенъ-дарья. Отсюда, сдѣлавъ еще переходъ, добрались до деревни *Ахтармы*, самаго большаго изъ всѣхъ Таримскихъ и Лобъ-норскихъ селеній. Здѣсь имѣетъ мѣстопребываніе управитель Тарима — нѣкій *Аэлямъ-ахунъ*. Не смотря на свой громкій титулъ, который, какъ намъ переводилъ Заманъ-бекъ, означаетъ «научченѣйшій человѣкъ», этотъ ахунъ совершенно безграматенъ.

Въ Ахтармѣ мы простояли восемь дней.

Въ Ахтармѣ было сдѣлано астрономическое наблюденіе долготы и широты, а барометромъ измѣрена абсолютная высота. Послѣдняя достигаетъ 2500 футовъ. Озеро Лобъ-Норъ подымается надъ уровнемъ моря на 2200 фут., такъ что нижній Таримъ имѣетъ сравнительно небольшой наклонъ. Тѣмъ не менѣе теченіе въ описываемой рѣкѣ весьма быстрое; оно достигаетъ, при среднемъ уровнѣ воды, около 180 футовъ въ минуту.

Изъ Ахтармы путь экспедиціи лежалъ внизъ по Тариму. То удаляясь, то приближаясь экспедиція прошла по Тариму около 190 верстъ до сліянія Тарима съ рукавомъ Кокъ-ала-Дарья; здѣсь выстроенъ глиняный фортъ.

Отъ вышеупомянутаго глинянаго форта на Таримѣ мы направились не на Лобъ-Норъ, до котораго было уже недалеко, а прямо на Югъ въ деревню *Чархалыкъ*, *) заложенную лѣтъ тридцать тому назадъ ссыльными а частію добровольными переселенцами изъ Хотана. Въ настоящее время описываемая деревня состоитъ изъ 21 двора и глинянаго форта, въ которомъ помѣщаются ссыльные. Они обязаны заниматься хлѣбопашествомъ на пользу казны; прочіе же жители сѣютъ для себя. Вода для орошенія полей получается изъ рѣки *Чархалыкъ-дарьи*, вытекающей изъ сосѣднихъ горъ. Эти горы стоятъ на южной сторонѣ Лобъ-Нора, достигаютъ громадныхъ размѣровъ и извѣстны подъ именемъ хребта *Алтынъ-тагъ*.

Въ верстахъ трехъ стахъ къ юго-западу отъ Чархалыка, на рѣкѣ Черченъ-дарьѣ, лежитъ небольшой городъ *Черченъ*, правитель котораго вѣдаетъ и Чархалыкомъ. Отъ Черчена далѣе къ юго-западу десять дней пути до большаго оазиса *Ная* (900 дворовъ), откуда черезъ три дня пріѣзжаютъ въ городъ *Керія*, имѣющій, какъ намъ сообщили, до трехъ тысячъ домовъ. Изъ Керіи, черезъ городъ *Чжира*, путь лежитъ въ *Хотанъ*. Послѣдній, ровно какъ Керія и Черченъ, находится въ зависимости отъ Якубъ-бека Кашгарскаго.

Въ одномъ днѣ пути отъ Керія въ горахъ добываютъ золото. Золотые рудники находятся также въ пяти переходахъ отъ Черчена, въ верховьяхъ Черченъ-дарьи. Здѣсь, какъ намъ говорили, ежегодно добываютъ около шестидесяти пудовъ золота, поступающаго въ казну Якубъ-бека.

На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположенъ Чархалыкъ, видны развалины глиняныхъ стѣнъ стариннаго города, который намъ называли *Оттогушъ-шари*. Эти развалины имѣютъ около трехъ верстъ въ окружности; впереди главной стѣны были выстроены сторожевыя башни. Кромѣ того, въ двухъ дняхъ пути отъ Чархалыка къ Черчену лежатъ, какъ намъ сообщали, развалины другого города — *Гасъ-шари*. Наконецъ близь Лобъ-Нора мы нашли остатки третьяго города, весьма обширнаго. Это мѣсто зовется просто *Коне-шари*, т. е. старый городъ. Отъ мѣстныхъ жителей мы не могли узнать никакихъ преданій о всѣхъ этихъ древностяхъ

Отдохнувъ недѣлю въ Чархалыкѣ, я оставилъ здѣсь большую часть своего багажа и при немъ трехъ казаковъ, съ остальными же тремя и моимъ помощникомъ Ф. Л. Эклономъ отправился на другой день Рождества въ горы Алтынъ-тагъ, на охоту за дикими верблюдами, которые, по единогласному увѣренію Лобъ-порцевъ, водятся въ вышеназванныхъ горахъ и пустыняхъ къ Востоку отъ Лобъ-нора. Заманъ-бекъ съ своими спутниками также остался въ Чархалыкѣ.

Хребетъ этотъ начинаетъ виднѣться еще отъ переправы Айрылганъ, т. е. верстъ за полтораста, сначала узкою, неясною полосою, чуть замѣтною на горизонтѣ. Послѣ утомительнаго однообразія долины Тарима и прилегающей къ нему пустыни, путникъ съ отрадою смотритъ на горный кряжъ, который съ каждымъ переходомъ дѣлается все болѣе и болѣе яснымъ. Можно уже различать не только отдѣльныя вершины, но и главныя ущелья. Опытный глазъ видитъ издали, что горы не маленькихъ размѣровъ — и не ошибается. Когда мы пришли въ д. Чархалыкъ, то Алтынъ-тагъ явился передъ нами громадною стѣною, которая далѣе къ юго-западу высилась еще болѣе и переходила за предѣлы вѣчнаго снѣга.

Намъ удалось изслѣдовать описываемыя горы, т. е. собственно ихъ сѣверный склонъ, на протяженіи около 300 верстъ, считая къ Востоку отъ Чархалыка. На всемъ этомъ пространствѣ Алтынъ-тагъ служитъ окраиною высокаго плато къ сторонѣ болѣе низкой Лобъ-норской пустыни.

Хотя намъ и не удалось, по причинѣ глубокой зимы и недостатка времени, перейдти за Алтынъ-тагъ и измѣрить абсолютную высоту мѣстности на южной сторонѣ этихъ горъ, но, несомнѣнно, что тамъ разстилается высокое плато, поднятое надъ уровнемъ моря не менѣе 12 или 13 тысячъ футовъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно предполагать, судя по огромной абсолютной высотѣ долинъ передовыхъ уступовъ Алтынъ-тага. Проводники наши, не одинъ десятокъ разъ охотившіеся на той сторонѣ описываемыхъ горъ, сообщали намъ, что если идти къ югу по старой дорогѣ, которою прежде (до Дунганскаго возстанія) Калмыки ходили въ Тибетъ, то тотчасъ же за Алтынъ-тагомъ разстилается высокая равнина шириною верстъ пятьдесятъ. За нею стоитъ опять поперечный хребетъ (верстъ 20 шириною), неимѣющій особеннаго названія, а за этимъ хребтомъ вновь является равнина, шириною верстъ до сорока. Эта равнина обильна ключевыми болотами (сазами) и по южную ея сторону высится огромный вѣчно снѣговой хребетъ *Ча-*

менъ-тагъ. Обѣ вышеупомянутыя долины уходятъ къ востоку за горизонтъ; туда тянутся и хребты, параллельно другъ другу. Къ западу же всѣ три хребта — Алтынъ-тагъ, безъименный и Чаменъ-тагъ — соединяются недалеко отъ г. Черчена въ одинъ вѣчно-снѣговой хребетъ — *Тугузъ-дабанъ*, потянувшійся къ городамъ Керіи и Хотану.

Въ общемъ, описываемыя горы характеризуются своимъ крайне безплодіемъ. Только по высокимъ долинамъ и въ ущельяхъ здѣсь можно встрѣтить кой какую растительность, два, три низкихъ уродливыхъ солончаковыхъ растенія, преобладающихъ по высокимъ долинамъ; три четыре породы сложноцвѣтныхъ, низкіе кустики Potentilla, Ephedra и др.

Нѣсколько любопытнѣйшихъ страницъ своего разсказа Пржевальскій посвящаетъ далѣе описанію охоты за дикимъ верблюдомъ, зоологическимъ подробностямъ этого любопытнаго животнаго, четыре экземпляра котораго ему удалось добыть для коллекціи.

Наконецъ, послѣ долгаго странствованія, миновавъ озеро Карабуранъ, сквозь которое протекаетъ Таримъ, экспедиція достигла до Лобъ-Нора.

По своей формѣ это озеро, или вѣрнѣе болото, представляетъ неправильный эллипсъ, сильно вытянутый отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Наибольшая длина въ этомъ направленіи около 90 или 100 верстъ; ширина же не превосходитъ 20 верстъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщали мѣстные жители. Самому мнѣ удалось изслѣдовать только южный и западный берега Лобъ-нора, и пробраться въ лодкѣ по Тариму до половины длины всего озера; далѣе ѣхать было нельзя по мелководнымъ и густымъ тростникамъ. Эти послѣдніе поростаютъ сплошь весь Лобъ-норъ, оставляя лишь на южномъ его берегу узкую (1 — 3 верстъ) полосу чистой воды. Кромѣ того небольшія чистыя площадки разсыпаны, какъ звѣзды, вездѣ въ тростникахъ.

По разсказамъ туземцевъ, описываемое озеро, лѣтъ тридцать тому назадъ, было глубже и гораздо чище. Съ тѣхъ поръ Таримъ началъ приносить меньше воды, озеро мелѣть, а тростники размножаться. Такъ продолжалось лѣтъ двадцать, но теперь, уже шестой годъ, какъ вода въ Таримѣ снова прибываетъ и не имѣя возмо-

жности помѣститься въ прежней, нынѣ заросшей тростникомъ, рамкѣ озера, заливаетъ его берега.

Весь февраль мѣсяцъ экспедиція посвятила сначала на ознакомленіе съ населеніемъ Лобъ-Нора и затѣмъ уже занялась исключительно наблюденіемъ надъ пролетомъ птицы.

Лобъ-норцы или Кара-курчинцы (по мѣстному названію) — народъ, находящійся на самой низкой степени умственнаго развитія, можетъ быть стоитъ съ этой точки зрѣнія еще ниже нежели обитатели до-историческихъ свайныхъ построекъ. Живя на плоскихъ отмеляхъ среди Лобъ-Нора, люди эти, несмотря на суровый климатъ довольствуются жалкими шатрами, сплетенными изъ мѣстнаго камыша, шатрами, въ которыхъ они защищены отъ непогоды на столько же, какъ и на открытомъ воздухѣ. — Жалкая одежда, едва прикрывающая ихъ наготу и сотканная изъ волоконъ мѣстнаго водянаго растенія — нѣсколько рыболовныхъ сѣтей и челнокъ составляютъ все движимое имущество семьи, питающейся круглый годъ рыбою, которую они добываютъ здѣсь же, вокругъ своего жилища. Если у кара-курчинъ и встрѣчаются гдѣ металлическія вещи, ножи и топоры то это рѣдкое явленіе: предметы эти вымѣниваются ими отъ приходящихъ сюда жителей Корле.

Наблюденіе Пржевальскаго надъ пролетомъ птицы дали ему обильные результаты для орнитологіи вообще. Невозможно представить себѣ того громаднаго количества птицы, которая прилетаетъ на Лобъ-Норъ — отдохнуть на пути съ юга и ежедневно смѣняется новыми, вновь прилетающими видами.

Въ мартѣ мѣсяцѣ экспедиція двинулась въ обратный путь. Конецъ марта и начало апрѣля были проведены въ долинѣ нижняго Тарима; — не смотря на весеннее тепло экспедиція нашла здѣсь тоже царство смерти какъ и зимою.

Возвратясь 25 апрѣля въ г. Корла, мы были помѣщены въ прежнемъ домѣ, опять содержались въ заперти и подъ карауломъ. На пятый день по приходѣ имѣли свиданіе съ бывшимъ владѣтелемъ Восточнаго Туркестана, нынѣ уже умершимъ, Якубъ-бекомъ. Послѣдній принялъ насъ ласково, по крайней мѣрѣ наружно, и все время аудіенціи, продолжавшейся около часа, не переставалъ увѣрять въ своемъ расположенія къ Русскимъ вообще, а ко мнѣ лично въ особенности. Однако факты показывали противное. Черезъ нѣ-

сколько дней послѣ свиданія, насъ, также подъ карауломъ, проводили за Хайду-голъ и при разставаніи не устыдились попросить росписку въ томъ, что мы остались всѣмъ довольны во время своего пребыванія въ предѣлахъ Джитышара.

Въ отвѣтъ на подарки, сдѣланные нами Якубъ-беку и нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ, мы получили четыре лошади и десять верблюдовъ. Послѣдніе были до крайности плохи и всѣ издохли въ два дня, лишь только мы вошли въ горное ущелье Болгантой-гола. Положеніе наше тогда сдѣлалось весьма труднымъ. Ворочаться назадъ нечего было и думать, а между тѣмъ у насъ на лицо осталось только десять верблюдовъ и шесть верховыхъ лошадей. Завьючивъ послѣднихъ и сжегши всѣ лишнія вещи, безъ которыхъ можно было обойтись, мы взошли пѣшкомъ на Юлдусъ. Отсюда я послалъ казака и переводчика въ Кульджу дать знать о нашемъ трудномъ положеніи и просить помощи. Черезъ три недѣли явились новыя вьючныя животныя и продовольствіе. Въ послѣднемъ мы особенно нуждались, такъ какъ наши небольшіе запасы, взятые изъ Корла, вскорѣ истощились и пришлось питаться исключительно охотою.

Въ половинѣ мая, когда мы пришли на Юлдусъ, растительная жизнь развернулась здѣсь еще весьма мало. Много было работы солнцу растопить глубокій зимній снѣгъ и согрѣть оледенѣвшую почву. *) Не скоро мертвящій холодъ уступилъ мѣсто благотворному теплу. Не только въ маѣ, но даже въ началѣ іюня шла еще здѣсь борьба между этими — Ариманомъ и Ормуздомъ.

Переваливъ, въ началѣ іюня, чрезъ хребетъ Наратъ, на южномъ склонѣ котораго весенняя флора была еще разнообразнѣе, чѣмъ на Юлдусѣ, мы спустились на верховья р. Цанма. Здѣсь сразу измѣнился характеръ климата и растительности: появились еловые лѣса, а по долинѣ и горнымъ склонамъ густая трава достигала уже двухъ футовъ вышины. Дожди падали каждый день; черноземная почва была напитана водою словно губка. Тоже обиліе влаги встрѣтили

---

*) Ранѣе того мы получили семь верблюдовъ, идя на Лобъ-норъ.

**) Всего въ теченіи Лобъ-норской экспедиціи, считая отъ выхода изъ Кульджи до возвращенія туда обратно, у насъ издохло 32 верблюда.

*) Зимою на Юлдусѣ, какъ говорятъ, выпадаетъ снѣгъ 2 — 4 фут. глубиною; по горамъ же и болѣе. Морозы стоятъ весьма сильные. Въ половинѣ мая мы встрѣтили еще на р. Хорёты-голъ, на абс. выс. 8 500 фут., очень большіе пласты льда, толщиною 2 — 3 футовъ.

мы и въ сосѣдней долинѣ Кунгеса. Только здѣсь, при меньшей абсолютной высотѣ, травянистая растительность была еще болѣе развита и богаче цвѣтущими видами.

Покончивъ здѣсь съ своими изслѣдованіями, мы поспѣшили въ Кульджу, куда и прибыли въ началѣ іюля, усталые и оборванные но за то съ богатою научною добычею.

Оглянувшись назадъ, нельзя не сознаться, что счастіе вновь послужило мнѣ удивительно. Съ большимъ вѣроятіемъ можно сказать, что ни годомъ раньше, ни годомъ позже, изслѣдованіе Лобъ-Нора не удалось бы. Ранѣе, Якубъ-бекъ еще не боявшійся Китайцевъ и не заискивавшій вслѣдствіе того у Русскихъ, едва ли согласился бы пустить насъ далѣе Тянъ-Шаня. Теперь же о подобномъ путешествіи нечего и думать при тѣхъ смутахъ, которыя, послѣ недавней смерти Бадуалета, начали волновать весь Восточный Туркестанъ.

Н. Пржевальскій.

18-го августа 1877 года.

г. Кульджа.

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Въ типографіи В. Безобразова и К°. (Вас. Остр., 8 л., д. № 45).